

— Создатель действительно удивителен, это место словно наполнено чудесами, как он это сделал?

— Жаль, что у нас мало времени, если бы можно было пожить здесь несколько месяцев или полгода.

— Как думаешь, может, мне не стоит быть врачом, а стать свободным фотографом? Ты бы со мной пошёл?

Слова Се Цзэсина всё ещё звучали в его ушах, Фу Линьчуань хотел сказать «да», но, очнувшись, увидел, что место рядом с ним пусто. Человек из сна не был здесь.

Се Цзэсин ушёл и больше не вернётся.

Фу Линьчуань повернул голову к окну, холодный ветер, проникавший сквозь щели, колот его затылок, как иголки, нехватка кислорода вызывала сильный дискомфорт, но никакая боль не могла сравниться с той, что разрывала его сердце.

И он просто терпел, терпеть было легче, ведь всё скоро закончится.

Час езды, затем пересадка на местное такси, и он достиг своей первой цели — храма у подножия снежных гор.

Тибетский храм, построенный в горной долине, был небольшим и ничем не примечательным.

Он был первым посетителем, вошедшим в храм этим утром.

Фу Линьчуань не верил в богов, в прошлый раз он даже не хотел заходить внутрь, но Се Цзэсин насильно затащил его. Позже они купили амулеты и повесили их на галерею с молитвенными барабанами в задней части храма.

Тогда он спрятал в амулете свою скрытую, невысказанную любовь к Се Цзэсину.

Фу Линьчуань прошёл к задней части храма, галерея с молитвенными барабанами лежала в первых лучах рассвета, красные колонны, потускневшие от времени, поддерживали многослойные крыши с золотыми черепицами.

Снежные горы молча стояли вдалеке, облака плыли между ними, иногда пропуская луч света, и галерея то освещалась, то погружалась в тень.

Медные молитвенные барабаны выстроились в ряд, свет и медь переплетались, и в этот момент было так тихо, что можно было услышать, как ветер проникает сквозь щели барабанов.

Фу Линьчуань замедлил шаг, двигая один за другим барабаны, слушая звон колокольчиков, вспоминая, как Се Цзэсин тогда пробежал по этой галерее, как ветер, касаясь пальцами барабанов, заставляя их вращаться, а затем остановился в конце и, обернувшись, засмеялся, крича им: «Все барабаны вращаются, никаких болезней, никаких страданий».

Тогда Се Цзэсин, смеявшийся так радостно, никогда бы не подумал, какие страдания его ждут.

Все страдания Се Цзэсина были вызваны им, Фу Линьчуань подумал, что если вращение этих барабанов действительно может избавить от страданий на всю жизнь, он надеется, что Се Цзэсин будет в безопасности, а расплата пусть останется на нём одном.

Дойдя до конца галереи, он увидел, что перила были увешаны амулетами, тогда их было всего несколько, а теперь они лежали слоями, почти не оставляя просветов.

Фу Линьчуань присел, без надежды перебирая амулеты, многие из тех, что лежали внизу, были повреждены, но он действительно нашёл тот, который повесил тогда Се Цзэсин — жёлтый треугольный мешочек с узором свастики, на котором Се Цзэсин нарисовал улыбающееся лицо. За эти годы улыбка почти стёрлась, но её всё ещё можно было разглядеть.

Фу Линьчуань снял этот амулет, с трудом развязал его и достал листок бумаги.

Он осторожно развернул его, на обратной стороне были слова, которые Се Цзэсин тогда написал и не хотел никому показывать.

"Сегодня Линьчуань, кажется, в плохом настроении, он расстроился, что не получил цветочный мешочек, который дали другому? Если бы я знал, я бы уступил ему.

Пусть боги будут милостивы, пусть он всегда будет счастлив."

Рука Фу Линьчуаня, держащая листок, начала дрожать.

Оказывается, в том амулете Се Цзэсин молился за его счастье.

Только сейчас он по-настоящему осознал, что потерял.

У него было бесчисленное количество способов получить то, что он хотел, но из-за своей одержимости он выбрал тот, который Се Цзэсин не мог принять.

Он ошибался, и ошибался ужасно.

Все это время он был настолько оцепеневшим от боли, что не проронил ни слезинки, но, увидев этот листок, его слёзы наконец хлынули.

Слёзы падали на бумагу, размывая слова Се Цзэсина, которые становились всё более

расплывчатыми в его глазах.

Раскаяние, как ядовитая змея, грызло его внутренности, боль заставляла его сжиматься в комок, вкус крови распространялся в груди, но не мог заглушить горечь, поднимающуюся в сердце.

Не остановившиеся барабаны всё ещё медленно вращались на ветру, его отчаянные хриплые крики растворялись в пустоте, не получая ответа.

Перед рассветом Се Цзэсин вошёл внутрь, девушка на ресепшене с улыбкой поздоровалась с ним и спросила, не хочет ли он что-нибудь поесть.

Се Цзэсин сначала хотел отказаться, но потом передумал.

Ресторан находился рядом, он зашёл туда, выбор блюд был невелик, но всё было свежеприготовленным, и он был первым посетителем.

Се Цзэсин заказал местную лапшу и чашку йогурта, когда он сел есть, девушка подошла и с любопытством спросила:

— Ты всю ночь снимал звёзды? Могу я посмотреть твои фотографии?

Се Цзэсин с добротой передал ей камеру, девушка пролистала его ночные снимки звёздного неба, восхищаясь, спросила, профессиональный ли он фотограф, он лишь улыбнулся.

— Можешь подарить мне одну? — смело попросила она. — Я хочу распечатать её и повесить на стену с фотографиями в нашем заведении.

Се Цзэсин, не задумываясь, согласился, позволил ей выбрать одну и передал её через Bluetooth.

Девушка с радостью поблагодарила его.

Позавтракав, Се Цзэсин окончательно проснулся и решил выйти.

Он снова отправился к древним руинам, чтобы сфотографировать восход, который не успел запечатлеть вчера.

Настраивая фокус, он на мгновение отвлёкся, инстинктивно поднял голову, молитвенные флаги на каменной пирамиде шелестели на ветру, лучи рассвета пересекали глиняные стены, создавая пёстрые тени. Эта сцена, казалось, тоже была в его памяти, но тогда здесь был не только он.

Но вспоминать на самом деле не имело большого смысла, поэтому лишь на мгновение Се Цзэсин собрался с мыслями и полностью сосредоточился на съёмке.

Закончив работу, было ещё не девять утра, уходя, он увидел проект по сбору средств на защиту руин, пожертвовал пятьсот, но отказался оставить своё имя в книге пожертвований.

Сейчас было ещё рано, он решил прогуляться ещё.

<http://tl.rulate.ru/book/5621/203771>